

*В память о моем учителе Джозефе Лау
(Лю Шаомине, 劉紹銘), великом ученом,
писателе, литературоведе и переводчике*

Список иллюстраций

Илл. 1. Черепаший панцирь с резными надписями на древнекитайском языке. *Freer Gallery of Art, Smithsonian Institution, Washington, D.C.: Acquired under the guidance of the Carl Whiting Bishop expedition, F1985.35.*

Илл. 2. Печатная версия «Алмазной сутры». *Werner Forman/Art Resource, NY.*

Илл. 3. Две триграммы и гексаграмма № 59 из «Книги перемен».

Илл. 4. Диаграмма связей между «Пятью элементами».

Илл. 5. У Чжэнь, «Рыбак». © *The Metropolitan Museum of Art/Art Resource, NY.*

Илл. 6. Ни Цзань, «Ветка бамбука». *Freer Gallery of Art, Smithsonian Institution, Washington, D.C.: Gift of Charles Lang Freer, F1915.36d.*

Илл. 7. Цю Ин, «Осел для господина Чжу». *Arthur M. Sackler Gallery, Smithsonian Institution, Washington, D.C.: Gift of Arthur M. Sackler, S1987.213 detail.*

Илл. 8. Китайский дворик, Ботанический сад штата Миссури, Сен-Луис. © *Rick Ege.*

Илл. 9. Сцена из «Пионовой беседки». *Ars Electronica Futurelab.*

Илл. 10. Портрет Мао Цзэдуна на площади Тяньаньмэнь, Пекин. © *Daniel M. Shih.*

Введение

白日依山盡，
黃河入海流。
欲窮千里目，
更上一層樓。

Белое солнце скрыться спешит за гору.
Желтой реки воды в море стремятся.
Чтобы простор бескрайний открылся взору,
Ярусом выше надо еще подняться!¹

*Ван Чжихуань (688–742). Поднимаюсь на
башню Аистов (Дэн Гуаньцюэлоу, 登鸛雀樓)*

Эти стихотворные строки VIII века воспроизводят традиционные представления китайцев о культуре как непрерывно текущей реке. Могучая Хуанхэ во всем множестве изгибов и притоков обеспечивала процветание жителей края, который свыше трех тысяч лет зовется Китаем. Мыслители Поднебесной издавна стремились выявить принципы, лежащие в основе этого широкого потока. Формулируемые представления, в свою очередь, способствовали изменению курса реки — коннотаций, связанных с потоком. Так, вера в циклы хаоса и порядка, противостояния и единения, возможно, вдохновила поэта именно на четверости-

¹ Перевод Бориса Мещерякова. Произведение доступно и в других интерпретациях, выбор представленного текста связан с тем, что он максимально отражает оригинал при четкости звучания на русском. Отметим пару тонких — и неизбежных в силу перехода между литературными традициями — расхождений: Мещеряков дает в названии транскрипцию («Гуаньцюэлоу»), а не образное название, поскольку это отсылка к реальной пагоде в провинции Шаньси; «спешит» — скорее, усиление метафоры, которого нет в оригинале. — *Здесь и далее прим. пер.*

шие, в котором первая строка начинает, вторая продолжает, третья развивает и четвертая раскрывает тему стихотворения. Изящное произведение Вана задает ощущение бескрайнего горизонта. С заходящим солнцем связана легкая печаль, однако стихотворение завершается вдохновляющими на действие словами. Лучшие виды на повороты и изгибы реки открываются с высоты, откуда видно, что они складываются в целенаправленное и полноводное течение.

Эта книга — рассказ о китайской литературе с древности до наших дней, раскрывающий ключевую роль, которую словесность всегда играла в социальных и политических процессах. Я буду рассматривать литературу как коллективное стремление к поиску смысла в нашем общем опыте. Китайская литература — обширная река, полная бурных чувств и страстей, которые можно умирять и контролировать надлежащими эстетическими практиками. Ведущие течения китайской мысли объединяет понимание того, что ошибочные воззрения приводят ко многим бедам, а литература способна открывать людям глаза, просвещать умы и направлять сердца.

Уже в самых ранних документальных источниках китайцы обозначают литературу первоосновой благоприятного правления и общественного благосостояния. Я хочу показать, насколько тесно связаны для жителей Поднебесной эстетика и нравственность, поэтому в этой книге буду рассматривать в первую очередь различные жанры поэзии и прозы, периодически затрагивая проблематику философии, истории и театра. Более специализированные представления о литературе возникли у китайцев лишь к концу XIX века, поэтому мой подход отражает общие воззрения традиционной китайской культуры на литературу, историю и философию как на части единого целого. В случае Китая литературные и литературоведческие занятия вселяли в человека приверженность как раз этому общему целому. Ради понимания динамического характера перемен в китайской литературе анализировались циклы расцвета и упадка природы. Этот устойчивый фокус внимания привел к теоретическому осмыслению литературы — писателей, движений, набирающих и теряющих

популярность жанров — как элемента общего пейзажа, формируемого изменчивыми порывами исторических и природных процессов. По мере того как утратила значение «уставная»² новая поэзия времен династии Тан с определенной мелодикой звучания (*цзиньтиши*, 近體詩; также *люйши*, 律詩), на смену ей пришли жанры стихов-*цы* (詞) и арий-*цюй* (曲). Общий упадок поэзии привел к распространению повествовательных жанров. Такой подход к теоретизации литературы нередко представляет разнообразные культурные феномены почти как самостоятельно развивающиеся явления. И все же история китайской литературы во многом связана со служением авторов интересам конкретных сил. Поддержка со стороны элит была принципиально важна для литераторов, и порядок распространения и канонизации произведений обычно отвечал устремлениям власть имущих. Когда мы знакомимся с той или иной литературной работой, мы извлекаем из нее то же удовольствие, что и из созерцания ряби на поверхности реки. Чтобы видеть глубины, скрытые под водой, мы должны задумываться о проблематике не только языка и межкультурного взаимодействия, но и динамики властных отношений, в том числе касаемо классовой, гендерной, этнической и национальной принадлежности.

В своей книге я буду дополнять общие темы конкретными примерами и выявлять основную проблематику китайской литературы, сопоставляя различные тексты. Такой сравнительный подход позволит исследовать не только пресловутый доминирующий «мейнстрим», но и встречные и скрытые течения. Кроме того, это даст возможность почувствовать разнородность и разнообразие традиций в китайской литературе.

Что значит «быть человеком»? Как должны великодушные люди наставлять нас на верный Путь, выражать чувства, делиться историями, развлекать и влиять друг на друга, формировать общество, достойное считаться «гуманным»? Точки зрения, высказываемые на этот счет в китайской литературе, в высшей

² Такие стихотворения требовали четкого следования предписываемым последовательностям тонов и рифм.

степени актуальны в свете наших текущих сложностей в сфере нравственности, эстетики, социума и защиты окружающей среды. Я ставлю перед собой задачу сделать все от меня зависящее, чтобы помочь читателям присоединиться к этим размышлениям. Вспоминается афоризм мудреца Конфуция (551–479 годы до нашей эры), который полагал, что его ученики должны по одному углу квадрата опознавать остальные. Представленное на ваш суд упрощенное руководство — именно введение в обширный мир китайской литературы, который вам предстоит открывать самим. Я могу лишь надеяться, что обозначенные блистательные примеры этой монументальной традиции вдохновят читателя на дальнейшее исследование ее бескрайних просторов. Не зря же Ван рекомендовал нам «ярусом выше еще подняться».

Благодарности

Эта книга стала неожиданно свалившейся на меня работой для души. Я благодарна Нэнси Тофф и Джеффри Вассерстрому за то, что они выступили с предложением написать ее. Множество наставников помогли мне сформировать представления о древнем Китае, современном Китае и соответствующих литературных традициях. Среди людей, перед которыми я ощущаю себя в долгу, — Сирил Берч, Цай-фа Чэн (Чжэн Цзайфа), Самуэль Чун (Чжан Хуннянь), Роберт Каттер, Уильям Нинхаузер и в особенности Джозеф Лау (Лю Шаомин). Вики Найт и Самуэль Ричмонд тщательно отредактировали книгу, а Лев Навар Чао с позиции студента поделился с нами проницательными комментариями по материалам. Я также благодарна Майклу Пуэтту, Киддеру Смиту и тайным рецензентам из Oxford University Press за полезные замечания и критические соображения. Наконец, выражаю глубокую признательность Уильсону Чао за веру в меня, пытлившую редактуру и стремление к четкому изложению.

Отсылки

Отрывок из: *The I Ching or Book of Changes*. Translated by Richard Wilhelm and Cary F. Baynes. © 1977 Princeton University Press. Перепечатывается с разрешения издателя.

Второе стихотворение из: *Nineteen Old Poems* // Watson B. *The Columbia Book of Chinese Poetry: From Early Times to the Thirteenth Century*. © 1984 Columbia University Press. Перепечатывается с разрешения издателя.

«Оленья засека» и заключительная фраза из: *Nineteen Old Poems II* // *An Anthology of Chinese Literature: Beginnings to 1911*.

Edited and translated by Stephen Owen. © 1996 by Stephen Owen and The Council for Cultural Planning and Development of the Executive Yuan of the Republic of China. Used by permission of W. W. Norton & Company, Inc.

Отрывок «Пионовой беседки» из: Birch C. *Scenes for Mandarins: The Elite Theater of the Ming*. © 1995 Columbia University Press. Перепечатывается с разрешения издателя.

Отрывки «Веера с персиковыми цветами» из: K'ung Shang-jen. *The Peach Blossom Fan*. Translated by Chen Shih-hsiang and Harold Acton. © 1976 by the Regents of the University of California. Used with permission of the University of California Press.

Шестнадцать слов из: Xueqin C. *The Story of the Stone*, Vol. 1: *The Golden Days*. Translated with an introduction by David Hawkes. Penguin Classics, 1973. © David Hawkes, 1973.

«Мертвая вода» из: Kai-yu Hsu. *Twentieth Century Chinese Poetry*. Translated by Kai-yu Hsu. © 1963 by Kai-yu Hsu. Used by permission of Doubleday, a division of Random House, Inc. For online information about other Random House, Inc. books and authors, see the Internet website at <http://www.randomhouse.com/>

Глава 1

Первоосновы

Этика, притчи и рыбы

Иногда китайская литература предписывает самые неожиданные пути к знанию. Читатели, склонные полагаться на интуицию, скорее всего, вдохновятся книгой притч «Чжуан-цзы», названной по имени легендарного мыслителя (莊子, буквально «учитель Чжуан», ок. 369–286 до нашей эры). Далее представлена беседа Чжуан-цзы с философом-логиком Хуэй-цзы на мосту над рекой Хаохэ.

- Рыбы свободно плещутся. Значит, они счастливы.
- Но ты же не рыба, — заметил Хуэй-цзы. — Откуда ты знаешь, что рыбы счастливы?
- Но ты же не я. Откуда ты знаешь, известно ли мне, счастливы ли рыбы?
- Да, я не ты. Безусловно, я не знаю тебя. Но ты же определенно не рыба. Поэтому ты не можешь знать, счастливы ли рыбы.
- Позволь мне докопаться до сути, — продолжил Чжуан-цзы. — Ты меня спросил, откуда мне известно, что рыбы счастливы, поскольку тебе уже было известно, что мне это было известно. Я же знаю все это просто потому, что стою над рекой Хаохэ.

Чжуан-цзы сначала следует логическим рассуждениям Хуэй-цзы, но предлагает иной путь к мудрости. Чжуан-цзы почувствовал, что рыбы счастливы, ровно по той же причине, по которой

Хуэй-цзы, пусть и несогласный с выводами собеседника, понял известное Чжуан-цзы. Для логика язык — единственное средство коммуникации. Чжуан-цзы же воспринимает себя и рыб как часть одной вселенной, и поэтому он может быть на одной эмоциональной волне с рыбами. Чтобы быть столь чутким к окружающему миру, требуется беспрестанно расширять собственное видение. Как раз такой вывод делает Дух реки в еще одной притче, приписываемой Чжуан-цзы. Добравшись до океана, дух осознаёт, что увидел лишь небольшую часть единого целого, и заявляет: «Как можно беседовать об океане с лягушкой из колодца?»

Желание достичь большей широты суждений, которое обнаруживается во всех ведущих китайских философских школах, удачно выражает Су Ши (蘇軾, 1037–1101), один из самых прославленных поэтов Китая, государственный деятель и сторонник оптимистического взгляда на жизнь. В первой части прозопоэтической оды-фу «Ода о красной скале» (*Цзянь чибя фу*», 前赤壁賦) Су описывает поездку по реке Янцзы. Путешественники, предаваясь веселью и крепким напиткам, мрачнеют, когда проплывают мимо места знаменитого сражения, предопределившего крах династии Хань. Завязывается дискуссия о сути изменчивости и преемственности. Какие выводы мы можем сделать из истории гибели прошлых царств? Один из гостей сокрушается по поводу тщетности человеческой жизни.

[Кто мы?] Поденки, закинутые меж Небес и Земли.
Песчинки посреди безгранного зеленого моря¹.

Желая успокоить друга, Су высказывает мысль, что луна постоянно то нарастает, то убывает, а вода в реке течет сама по себе и никогда не иссякает. Аппелируя к постоянству природы, Су предлагает компании относиться по-философски к переменам.

¹ Здесь и далее, если не указано иное, — последовательный перевод К. Батыгина интерпретации текста на английском. У Юлиана Щуцкого: «В мир включаем мы нашу жизнь быстролетную; мы — крупинка среди морей незаметная».

Если на все смотреть с позиций изменчивости всего,
 То Небеса и Земля и одно мгновение ока не продержатся.
 Однако если вы обратите внимание на неизменность всего,
 То и все вещи, и я сам будут существовать во веки веков².

Су еще в XI веке размышлял о проблематике временности и постоянства — на тему, всегда вдохновлявшую китайских литераторов. Что может поделать человек перед лицом скоротечности пребывания на свете? Озабоченность скоротечностью времени придавала неотложность таким категориям, как польза и вред, а равно требованиям к чиновничеству, стремлению к дружбе, домашнему очагу и прочим благам и достижениям. Литературная деятельность позволяла китайцам взаимодействовать с этими извечными дилеммами и желаниями. И именно повышенное внимание к переживаниям человека помогало китайским авторам противостоять изменениям, связанным с ходом времени. В «Комментариях Цзо» («Цзо-чжуань», 左傳) — памятнике конца IV века до нашей эры — зависимость от слов описывается как один из трех путей «погибнуть, но не сгинуть» (первый путь — установить добро, второй — благодеяния, третий — слово).

В поисках Пути: значимость образов

По западным меркам древность ранних китайских текстов поражает. Современный китайский отличается от древнекитайского настолько же, насколько английский отличается от латыни. При этом даже в наши дни специалисты способны прочесть китайские тексты, начертанные на черепаших панцирях и овечьих костях. Эти источники относятся к временам династии Шан (1600–1046 годы до нашей эры). Кости использовались для гаданий. Надписи на них представляли собой вопросы, записанные отдельными иероглифами (цзы, 字). Ответы на интересую-

² У Щуцкого: «Когда изменчивость мы замечаем, то даже целый мир не может длиться и мгновенье; когда мы замечаем неизменность, то нет конца ни нам, ни миру».



Илл. 1. Ранние примеры китайских иероглифов в виде надписей на «гадальных костях», в этом случае — на панцире черепахи (ок. 1300–1050 до н.э.)

щие темы отгадывали, интерпретируя смысл трещин, которые образовывались на костях после того, как их нагревали над огнем.

Иероглифы стали основой всей культуры Китая. Их написание и значения менялись с течением времени, но даже в современном китайском языке обнаруживаются иероглифы из древнейших текстов. Преимущество письменности оказалась ключевым фактором в единстве основных китайских традиций. Однородность письменной системы способствовала эффективности коммуникации на всей территории Поднебесной, несмотря на большое разнообразие языков, на которых изъяснялись в различных районах Китая. Эти языки часто обозначают как «диа-

лекты», но правильное называть их «тополеками» — языками, связанными с определенным местом. Региональные версии китайского языка различаются между собой устно примерно так же, как немецкий и английский.

Китай существует на протяжении свыше трех тысяч лет, возможно, больше благодаря своим литературным традициям, чем политической истории. В отличие от Римской империи, Китай как государство неоднократно воссоединялся, частично благодаря вере в силу письменности (*вэнь*, 文). Письменный китайский язык играл важную роль в сохранении цивилизации, которая, несмотря на все внутренние противоречия, демонстрирует большую устойчивость.

Письмо было мирной альтернативой военному делу, основой чиновничьей службы и неотъемлемым элементом культурной гармонии. Ближе к концу «Оды изящной словесности» («*Вэнь фу*», 文賦, III век) Лу Цзи (陸機) восхваляет письменность как мост над временем: «Когда мы глядим вниз, [мост] дарует нашему взору узоры будущего; когда мы смотрим вверх, [мост] позволяет нам осмыслять образцы, оставленные нашими предшественниками».

Литература — это не только зеркало, отражающее реальный мир или его идеализированные формы. В Китае литература воспринималась реальным средством, с помощью которого человек творит мир. Письмена считались материализацией принципов (*ли*, 理), руководящих природными структурами. Тем самым письмо оказывалось существенным для продолжения естественного и нравственного Пути (*дао*, 道).

Умелое составление текстов укрепляло веру в упорядоченность и этичность вселенной. Этот мощный идеал, позже раскрытый в крылатом выражении «Письмена указывают Путь», позволяет понять, почему в Китае уделялось такое повышенное внимание текстам и ученым, которые писали к трактатам комментарии. Мудрец Конфуций одобрял занятия последователей словесностью, если у них оставались силы после исполнения нравственного долга. Умение писать также считалось ключевой составляющей подготовки к чиновничеству.

Термин «наука письма» (*вэньсюэ*, 文學) позже трансформируется в обозначение «литературы» на китайском, причем иероглиф *вэнь* этимологически относится к узору (например, на тканом полотне). *Вэнь* близко связан с понятием «свободных искусств» и может ассоциироваться с любым изящно исполненным творением. В связи с этим литературу в Древнем Китае вполне можно охарактеризовать как «высокоискусное письмо». В Древней Греции и Древнем Риме искусства считались обязательной частью образования свободного человека. Ученые-конфуцианцы воспринимали изучение словесности как гуманности или человеколюбия (*жэнь*, 仁). Чтобы приобщиться к сущностному порядку вселенной, китайцам нужны были не священнослужители или какие-либо другие посредники, а наставники и тексты.

Ученые мужи

Возможно, больше нигде в мире литература не была столь осознанно коллективным занятием, как в Китае. Чтение и литературный труд позволяли человеку стать частью общего и устойчивого течения. Ученые-чиновники видели в своих привилегиях в первую очередь тяжелое бремя ответственности. Считалось, что Путь природы и нравственной добродетели заключался в следовании единым шаблонам. Соответственно, делался особый упор на выявлении общих закономерностей, понимание которых формировало у китайцев сильно развитое историческое сознание.

Важность осмысления истории возросла с упадком династии Чжоу (1027–256 годы до нашей эры). С развитием железа в военном деле произошла настоящая революция. В период Сражающихся царств (475–221 годы до нашей эры) прекрасно вооруженные феодальные государства постоянно завоевывали территории соседей, пока не столкнулись с расположенным на севере страны царством Цинь. Цинь стала первой династией, объединившей Китай (221–207 годы до нашей эры). Само слово «Китай» в английском языке родом из *Цинь*³.

³ Русское «Китай» наиболее вероятно относится к *цидань* — китайскому обозначению народа кидани, живущего на северо-востоке Поднебесной.

Одним из факторов успешного правления Цинь стало расширение бюрократического аппарата, в который входили занимающие официальные посты талантливые ученые мужи. Этот зарождающийся класс образованных граждан стремился усилить свое политическое влияние. При династии Цинь установилась прочная связь между письменной культурой и политикой. Эти узы просуществовали вплоть до конца XX века: китайские власти закрепляли их на протяжении большей части периода с 605 по 1905 год, отбирая кандидатов в чиновники через систему экзаменов, основанных на знании классической литературы.

Из-за специфической сложности классического литературного китайского языка (*вэньянь*, буквально «литературный язык», 文言) грамотность была прерогативой элитарной прослойки ученых и чиновников. Изучение письма и чтения требовало привлечения преподавателей, наличия свободного времени и доступа к книгам. Экономически целесообразными такие занятия оказывались лишь для крайне ограниченной группы людей. Вплоть до династии Сун (960–1279), когда изобретение печати позволило существенно повысить уровень грамотности населения, большинство писателей были выходцами из правительственной бюрократии, знакомыми с более-менее стабильным кругом хрестоматийных произведений. Совместное обучение обеспечивало классу ученых-чиновников беспрецедентные единство и власть. Ученые мужи напрямую зависели от покровительства правителей, в то время как правители нуждались в комментариях к канонам, которые бы придавали их власти легитимность.

Каноны

Вопреки либрициду неугодных книг (за исключением правовых и иных важных профессиональных текстов), который учинил Цинь Шихуанди — первый император династии Цинь, — до нас дошли многие доциньские литературные источники. Это стало возможно благодаря их сохранению в исторических трактатах, которые избежали печальной судьбы сожженных книг. Избранные тексты обозначались как «канонические» (*цзин*, 經), что

придавало ранним трактатам особый престиж. Каноны получили развитие благодаря увеличению количества комментариев. Авторы большей части из них трактовали ранние тексты, стремясь обосновать легитимность конкретных правителей и политических курсов.

Начиная с династии Хань (206 год до нашей эры — 220 год нашей эры) под «Пятикнижием» (*уцзин*, буквально «пять канонов») подразумевают руководство к гаданиям «Книга перемен» («*Ицзин*», 易經), древнейшую антологию стихотворений «Канон стихов» («*Шицзин*», 詩經), собрание речей, указов и прочих исторических источников «Канон документов» («*Шуцзин*», 書經), летопись соответствующего периода китайской истории «Вёсны и осени» («*Чуньцю*», 春秋) и три собрания рекомендаций по правилам поведения, известные как «Книга ритуалов» («*Лицзи*», 禮記⁴). Благодаря изобретению бумаги (II век до нашей эры) все указанные каноны удалось сохранить, перенеся тексты на каменные клише. Почти все образованные китайцы заучивали «Пятикнижие» наизусть.

Общие представления об авторитетных источниках закрепились в IV веке нашей эры с разделением всех текстов на четыре основные группы по важности: каноны, исторические трактаты, работы «учителей» (мыслителей, позже — философов, *цзы*, 子) и собрания изящной словесности. В частности, трактаты «учителей» — богатые на афоризмы беседы, притчи и забавные истории — обычно представляли собой подготовленные постфактум сборники, в которые входили диалоги наставника с учениками или оппонентами. В эту группу входили также профессиональные медицинские, военные и религиозные тексты, в том числе даосские и буддийские каноны. Тексты, за которыми позже закрепится обозначение «художественная литература», обычно не включались ни в одну из этих категорий, в совокупности посвященных осуществлению Пути.

⁴ Сущностная многозначность иероглифов допускает различные толкования названия в переводах, в том числе «Книга обрядов» и «Записки о правилах благопристойности».

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru